

ГЛАВА 1

ФИКТИВНАЯ ДОБЫЧА

Рыжий, горячий, появляется внезапно
и причиняет множество разрушений.

Из свитка «Загадки Лагона»

Меня похитили прямо со свадьбы.

К счастью, не моей.

Есть, правда, и плюс: я испортила торжество дорогой кузине. Брызнувшие в стороны канапе, которые осели мелкими ошмётками на физиономиях гостей, и лопнувшие светильники наверняка на некоторое время займут Лоран... Возможно, этой очаровательной белобрысой лицемерке придётся даже отложить свадебное путешествие из-за траура по мне.

Сомнительный повод для радости, но пока сойдёт и такой.

Всё началось во время поздравительной речи — как раз когда отец уступил мне место у стола между воркующими молодожёнами и монументальным свадебным тортом, сплошь в завитках из золотой глазури. Вокруг что-то затрещало, заискрило; через мгновение исчезли звуки, и накатило ощущение лёгкости... нет, скорее

даже невесомости, как в скоростном лифте. Пол под моими ногами помутнел, и я ухнула в это белесоватое пятно, даже пискнуть не успела — в дурацком красном платье, с прозрачным ободком усилителя и тоненьким усиком микрофона за ухом. Мучительную секунду молчали и чувства, и сверхчувства, даже вздохнуть не получалось — и вдруг я рухнула с высоты в полметра на камни, как была — с раскрытым ртом, прижимая к себе пышный букет элирий.

Ободранные локти саднили; лепестки цветов щекотали взмокшее лицо.

Мелькнула мысль: а жаль, что не получилось вместе с цветами прихватить подарок — набор для выживания. Или вообще вместо... Подарок должен был тонко, ненавязчиво символизировать пожелание незабываемых приключений в круизе по Внутреннему морю. Но сейчас нож, аптечка, сигнальная ракета и водостойкие спички явно пригодились бы не дорогой кухне, а мне. Уж точно больше, чем лохматый веник из хрупких белых стеблей с золотистыми звёздами на концах... Что ж, зато кухне цветы так и не достались, а ведь она засматривалась на них с самого начала церемонии.

Но об этом можно подумать и потом, а сейчас лучше притвориться мёртвой — или хотя бы, для начала, испуганной и беспомощной жертвой.

Чем сильнее вас недооценивают, тем проще уцелеть.

Спрятав лицо за букетом, я осторожно оглядела место, куда меня занесло. Похоже, большая пещера: каменный пол, стен и потолка не видно, сильный сквозняк. Свет дают несколько факелов на подставках — настоящие факелы, шрапх побери, не имитация! — и огромный костёр, почти в человеческий рост. Из знакомых запахов — только дым, горьковатый и щекочущий горло; влажные камни пахнут солоновато, кисло и пыльно, вроде бы водорослями...

или морем? Или плесенью? У костра столпились пять человек в чёрных балахонах и поют, воздевая руки. Вокруг меня — что-то вроде силовой клетки: элирия от прикосновения к прутьям скрючилась и почернела так, что трогать их пальцами сразу расхотелось.

Ничего не понятно.

Похоже, что обычными чувствами не обойтись.

Не без труда я подогнула ноги, скрестив щиколотки. Поза не совсем верная, но хотя бы энергетические узлы соприкасаются, и платье задирается не сильно. Вдоль позвоночника тут же потёк холодок, вверх, к голове — уже хорошо. Значит, способности тут работают.

Итак, начнём с анализа ситуации, как говорил дядя Эрнан.

Минусы: неизвестность, пятеро потенциально опасных незнакомцев, способных перенести человека из помещения, защищённого не хуже, чем бункер премьер-министра, полное отсутствие связи и незнакомая местность.

Плюсы: девять лет псионической школы за плечами, пять лет стажировки в рабочей группе у дяди, четвёртая ступень эмпатии, третья — конструирования и моделирования, зачатки телепатии... и первая ступень биокинеза, спасибо маме.

Сомнительные плюсы: двадцать четыре года выживания в семейке психов и интриганов.

Что ж, простейшие выкладки указывают на то, что шансы спастись у меня почти нулевые. Но попробовать можно.

Очень, очень медленно и осторожно я начала раздвигать вокруг себя эмпатический купол. До похитителей — шагов пятнадцать, не больше. Площадь покрытия в стандартных условиях у меня в десять раз шире, в стрессовых достигает километра. Впрочем, надеюсь, до настоящего стресса по шкале Эрнана дойдёт нескоро... Ну как, заметят или нет?

...да какого страха!

Я дёрнулась, как от пощёчины, и с трудом сумела опять сосредоточиться.

Похитители не обратили на меня ровным счётом никакого внимания. Поза для медитации у них подозрений не вызвала — и, похоже, что купол они также не почувствовали. Значит, не псионики; возможно, они и в целом о псионических техниках не знают. Хорошо, просто отлично. Плохо, что я потеряла концентрацию от жуткого ощущения несовместимости.

Передо мной были люди, определённо — но с совершенно незнакомой культурой, языком и, что страшнее, с чуждым мысленным шаблоном.

«Спокойно, Трикси, — подбодрила я себя, стараясь не цепляться за охапку почерневших элирий, как Лоран — за надувной матрас в бассейне. — Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего. Принцип здорового пессимиста».

Помогло.

Очень, очень осторожно я расширила купол ещё на несколько шагов, поглощая всех похитителей разом. Теперь стало проще: когда знаешь, чего в целом ожидать, то трудности не выбивают из колеи. Слов я по-прежнему не разбирала, но чужие чувства и эмоции ощущались достаточно чётко, чтобы их идентифицировать: раздражение, страх, предвкушение какой-то награды или удовольствия, зависть... Думали и обо мне, и намерения были отнюдь не добрыми: образ колебался от насилия к убийству, а фантазии и готовность к реальному действию переплелись так плотно, что одно легко подменялось другим.

Что ж, как говорил Эрнан, если эмпат попадает в группу врагов — у него уже преимущество. Ведь их можно заставить драться друг с другом.

Теоретически.

Но сперва нужно разобраться, на каком языке они переругиваются и где мы вообще находимся... Что ж, начнём с первого пункта: рассорить похитителей.

Я крепко зажмурилась, отсекая лишние чувства. Итак, кто здесь слабое звено?

...ага, вот этот, крайний, опасается, что его обманут.

Годится.

Глубоко вдохнув, я мысленно «дунула» на искорку недоверия и агрессии, стараясь не погасить. Та мигом вспыхнула: кем бы ни были эти люди, защищаться от телепатии они не умели. Тоже запишем в плюсы, хотя не факт, что это не простые исполнители — и что организатор не прячется где-то в темноте и не смеётся там над моим «хитрым планом».

Но пока всё шло хорошо.

Остальные четверо тоже поддались влиянию, хотя внедрить эмоцию или чувство сложнее, чем усилить уже существующую. Вскоре облако взаимного недоверия окутало незнакомцев так плотно, что его можно было различить «голым оком», по меткому выражению сестрицы Нэсс. Я приготовилась наблюдать за грядущей ссорой, слушать, запоминать, потихоньку вникать в незнакомый язык и ждать удобного момента...

И тут всё разом переменялось — так резко, насколько это вообще возможно.

Появился рыжий.

Он по касательной влетел в поле действия купола, и меня сразу выбило из транса: таких ярких, чистых и позитивных эмоций с толикой страха, неуверенности в себе и предвкушения «полной задницы» я не ощущала давно. Забавно: «полная задница» было первым словосочетанием чужого языка, которое легко распозналось и легло на уже знакомую основу. Даже картинка перед глазами вспыхнула. Пока я сидела

и, роняя скукожившиеся элирии, приходила в себя от потрясения, тощий рыжий парень в тёмном костюме раскидал моих похитителей, как вентилятор — пенопластовые шарики. Что-то полыхнуло, взорвалось, загрохотало... Запахло жжёной плотью, очень похоже на палёные волосы, но гаже, почти до рвоты. Купол схлопнулся до пары шагов в диаметре, и вовремя: ещё немного, и меня накрыло бы ощущениями умирающего от ожогов человека, и вряд ли бы я это выдержала.

А в следующую секунду рыжий оказался у моей клетки.

— Ты в порядке? — спросил он.

Голос оказался приятным, мелодичным, а смысл вопроса — понятным. Образы и эмоции ввинчивались в мою голову так, что на мгновение захотелось даже закрыться: настолько сильный напор и открытость для эмпата уже немного сродни насилию. Я кивнула, он недоумённо нахмурился: похоже, такая невербальная форма согласия была здесь не в ходу. Пришлось повторить, сопровождая пояснительным импульсом.

Рыжий вспыхнул радостью:

— Хорошо. Бежим!

Он двинул руками, как-то дико изгибая пальцы и запястья, и снова бабахнуло. Клетка развалилась на части, верх от неё отшвырнуло шагов на тридцать. Рыжий ухватил меня за руку — меня, эмпата! — и вздёргнул на ноги.

А в следующий момент мы уже бежали как сумасшедшие, и спасибо умнице Нэсс за то, что она отговорила меня идти на свадьбу на каблуках.

Каменный пол оказался предательски влажным и осклизлым. Кое-где попадались здоровенные пятна то ли плесени, то ли водорослей, и там скользили даже шипованные подошвы. Рыжий перепархивал через них с жутковатой грацией и каждый раз так дёргал за руку, что плечо простреливало болью. Мы

выскочили из пещеры и нырнули в туннель с низким потолком. Зеленоватый свет лился непонятно откуда, а наши тени, диспропорциональные, с троящимся контуром, насмешливо неслись на шаг впереди.

Вскоре дыхание сбилось. А рыжий скакал всё так же резво, без сомнений, выбирая дорогу на развилках. Хватка у него была стальная. Я чувствовала себя так, словно меня пристегнули наручниками к роллеру на полном ходу.

— Подожди... Не могу больше...

Лёгкие разрывались. Ноги отказывались сгибаться. Эмпатический купол давно развеялся, но рыжий меня понял. Затормозил, успел подхватить прямо у пола и одним движением закинул на плечо.

От удара воздух вылетел из груди, и в глазах потемнело.

Мой спаситель опять ринулся вверх по скользкому подобию ступеней. Всё происходило ошеломительно быстро, и уже мерещилось, что грубо отёсанные камни сами задираются к потолку уступами, а тот испуганно отскакивает — так же рывками. Ещё через две развилки рыжий застыл и ругнулся — это и без эмпатии было ясно, — а затем вдруг взвился в прыжке.

«Голову расшибёт о камень!» — промелькнуло в мыслях, но потолок куда-то исчез. И не только он.

Мы летели через расщелину, которая никак не кончалась.

Не кончалась.

Не кончалась!

Я заорала от ужаса. К шраму принципы дяди Эрнана, мы же сейчас сдохнем!

Не сдохли.

Рыжий приземлился на краю расщелины и даже устоял. Покачнулся, резко отставил ногу назад — и всё. Я вцепилась покрепче в его одежду, бросила взгляд на другую сторону пропасти и едва удержалась от нового

вопля. У обрыва замерли, переступая с лапы на лапу и скаля полуметровые пасти, две чудовищные химеры, не похожие ни на одно известное науке животное. Над тварями — явно плотоядными и, кажется, очень агрессивными — приплясывали в воздухе зеленоватые светящиеся шары.

— Айры, — рыжий ткнул пальцем в сторону чудовищ.

В голосе у него сквозила досада — ни страха, ни отвращения не было, что интересно. Он взмахнул свободной рукой, и зеленоватые шары перелетели через пропасть вслед за нами.

— Айры, — тихо повторила я; во рту как-то резко пересохло.

Рыжий одобрительно хлопнул меня по бедру, перехватил поудобнее и снова побежал по туннелю, быстрее и быстрее.

Вскоре позади осталось несколько больших пещер, где текли реки и росла настоящая трава, правда, белеватая. Промелькнули даже кусты или низкие ветвистые деревья с мелкой россыпью красноватых ягод, но зелёные шары-фонари не позволили разглядеть яснее. Наконец мы выбрались на открытое пространство. Ночь, безлунная и беззвёздная, лишь немногим отличалась от непроглядного мрака подземелий. Рыжий поставил меня на ноги и повёл к лесу, на ходу гася «светлячки». Затем мы спустились в овраг, под естественный навес — переплетение корней, ветвей и сизоватых вьюнов под самым обрывом... И лишь там спаситель отпустил мою руку.

Я перевела дыхание. Почти час бешеной гонки сдерживать способности при таком близком контакте... О, дядя бы мной гордился. А злючка Лоран наверняка выдала бы очередную гадость об эмпах, навязанных прикосновениях и личных границах.

Рыжий задал вопрос — о моём состоянии, судя по обеспокоенному выражению лица. Пришлось вновь

разворачивать эмпатический купол, не такой широкий, зато сразу на третьей ступени интенсивности. Парень вздрогнул — похоже, всё же ощутил что-то — и настойчиво переспросил:

— Ты в порядке?

Общий смысл я поняла, затруднение возникло только с обращением. Вероятно, в ходу тут было три формы вежливости — по крайней мере, из такого количества выбирал рыжий. Для себя я сразу решила переводить всё в привычные категории, больше слушать и меньше говорить. И быть осторожнее с невербальным общением — кивки и мотание головой мой новый знакомый явно не воспринимал, вернее, не считывал смысл.

Кстати, знаки для согласия и возражения лучше бы определить сразу.

— Да, — произнесла я чётко, наклоня голову и посылая соответствующий импульс. — Нет, — добавила, покачав головой.

Рыжий сообразил тут же. Оказалось, что согласие у них — склонить голову к плечу. Отрицание — вздёрнуть подбородок, как у нас делают иногда, если не слышат, хотят уточнить что-то или ленятся показать направление рукой.

Продолжая улыбаться и трещать без умолку, рыжий разложил костёр из подручного материала и поджёл его щелчком пальцев. Я делала вид, что рассматриваю заросшие склоны, а сама чутко вслушивалась в чужие мысли, соотнося образы со словами и запоминая как можно больше.

Только это меня и спасло.

Агрессивное намерение проскочило фоном, не успело созреть до готовности действовать. Но образ был точь-в-точь как у тех ублюдков из пещеры — насилие и ещё что-то, очень неприятное.

Рассуждай логически, поступай рационально, ожидай худшего, так?

Я поступила рационально — соединила руки, замыкая энергетические каналы, и рывком вывела напряжение эмпатического купола на максимум.

Четвёртая ступень — самое мощное воздействие, на которое я способна. На два порядка более интенсивное и в десять раз более энергозатратное, чем любые манипуляции на третьей ступени.

Рыжего буквально придавило к земле. Он распластался у костра, осоловело глядя в тёмное небо. Мне тоже пришлось несладко, нормально подняться я не смогла. Проползла на четвереньках по мокрой траве и села ему на живот.

Какой же он весь горячий, шрах... от макушки до пяток, как в лихорадке.

Содранные от падения колени саднили, голова трещала, состояние — хуже не придумаешь. Но выхода нет. Надо прояснить ситуацию как можно быстрее и полнее, чтобы не метаться от одной смертельной опасности до другой. И способ один: просканировать «спасителя» прямо сейчас. Если повезёт и транс не развеется слишком быстро, то и язык немного подтяну... А извинюсь за ментальное насилие потом.

Если он заслуживает моих извинений, конечно.

— Отнесись к этому как к медицинской процедуре, — посоветовала я от души, хотя он, оглушённый, конечно, ничего не понял.

Второй раз за вечер выйти на четвёртую ступень оказалось ещё сложнее. Единственное, что облегчало задачу — нужно было делать не купол с равномерно рассеянным покрытием, а нечто вроде иглы. Концентрированной, тонкой, острой.

Я и вонзила её рыжему в лоб — и пропала.

...Звучит как полный абсурд, но меня, очевидно, утащили в другой мир.

Пока рыжий без сознания валялся под боком, тёплый и безвредный, я размышляла и подводила итоги.

Итак, парни, которые испортили свадьбу дорогой кузины, тут что-то вроде местных сектантов: мысленный образ колебался от кустарных ремесленников до отступников, нечто малопочтенное и пугающее одновременно. Ритуал переноса — дело обыденное, хотя и сложное: можно сравнить с запуском нового космического корабля у нас. Выдернутых из другого мира, то есть людей вроде меня, рыжий воспринимал как нечто среднее между подарком, другом по несчастью и конкурентом — алогичное сочетание. Себя он считает магом. Что ж, вполне возможно, если вспомнить все эти прыжки, полёты, парящие светильники-шары, сам по себе вспыхнувший костёр...

Шрах, я сейчас признала существование магии? Я, псионик-рационал?

Дрова превратились в угли. Света от них было немного, но глазам, привыкшим к полумраку, хватало. Что ж, надо признать, что сканирование дало немного — что-то прояснило, а что-то, наоборот, запутало. Придётся расспрашивать «спасителя» вживую. Словарного запаса теперь должно хватить по крайней мере для понимания, а речь натренирую в процессе.

Над головой прошмыгнуло какое-то существо — летучая мышь, птица, насекомое? Может, вообще этот, как его... айр?

Стало жутковато.

Стараясь не шипеть от боли в перенапрягшихся мышцах, я заставила себя сесть, отряхнула платье и старательно вычесала пальцами из волос мелкие веточки и листья. Не удержалась и скосила глаза на рыжего, который, похоже, успел очнуться, но пока предпочитал не подавать признаков жизни.

Впечатление он производил неоднозначное.

Невысокий — судя по нашей беготне в подземелье, вровень со мной или чуть выше. Волосы всклокоченные, но на ощупь, насколько помню, мягкие. Кожа